

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/59/5

Е.Н. Молодыченко

**«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ «ЧУЖОГО»
В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РИТОРИКЕ**

Исследуется инструментальная функция создания образа чужого в американской президентской риторике конфронтационного типа. Для достижения данной цели был проведен анализ текстов выступлений Д. Трампа и Дж.У. Буша. В процессе анализа демонстрируется, что в текстах осуществляется развертывание двух взаимозависимых коммуникативных стратегий – создания образа чужого и обоснования политического решения. Обсуждение результатов позволяет поставить вопрос о возможной мере интерпретативности текстоориентированных исследований и дальнейшем развитии лингвистической науки в этом направлении.

Ключевые слова: дискурс-анализ, прагматическая интерпретация, персуазивность, политический дискурс, риторика, президентская риторика, «свои – чужие».

Введение

Политическая коммуникация и политический дискурс (ПД) остаются одной из наиболее популярных сфер применения лингвистического анализа. Традиционным ракурсом изучения ПД является исследование текстов с точки зрения их персуазивной и манипулятивной функции (см., например: [1–4]). В этом случае исследователи исходят из представления о том, что лингвистический анализ может выявить и объяснить, как определенные языковые структуры используются для вариативной интерпретации действительности и/или вуалирования глубинных смыслов, недоступных реципиентам, которые не имеют специальной лингвистической подготовки. Примером конкретной задачи, решаемой в подобных работах, может быть выявление и описание стратегий легитимизации политических действий в интересах некоторой группы субъектов, как правило наделенных властью [5–10].

Вторым популярным лейтмотивом является изучение ПД с точки зрения конструирования в нем противопоставленных групп субъектов. Для описания процесса такого конструирования в ПД обращаются к так называемой категории «свои – чужие» [11–14]. Варианты операционализации данной категории в лингвистических исследованиях весьма разнообразны (см.: [6, 15–19]). Можно сказать, что категория «свои – чужие» обладает значительной аналитической гибкостью и является частью теоретической рамки в исследованиях дискурса на предмет конструирования и выраже-

ния (политизированных) идентичностей индивидов и групп различного масштаба [20].

Очевидно, что реализации подобных исследовательских проектов сопутствуют два процесса. Во-первых, лингвистический анализ становится междисциплинарным. Для интерпретации дискурса в широкой социокультурной перспективе привлекаются релевантные социальные теории, а также иногда стирается граница между лингвистическим анализом и социологическим анализом (см., например: [21–23]). Во-вторых, исследование часто перестает быть ценностно нейтральным. В дискурс-аналитическом проекте исследователь отталкивается от социальной проблемы и подбирает языковой материал и инструментарий с целью ее критического освещения [24. С. 33].

Действительно, лингвистические исследования ПД традиционно имеют критическую направленность. К примеру, критическая лингвистика – предшественник современного критического дискурс-анализа – зародилась как дисциплина, преимущественно нацеленная на изучение ПД [25, 26]. Сам критический дискурс-анализ (КДА) также изначально был ориентирован в основном на исследование этого типа дискурса [3, 22, 27–30].

Такая критическая направленность, однако, не является непроблематичной. Целым рядом исследователей были поставлены под сомнение не только результаты, полученные в рамках КДА, но и сам подход с его теоретическими, методологическими и ценностными установками [31–38]. Одним из спорных моментов как раз является позиционирование изучаемых текстов и дискурсов как манипулятивных. Подобное формулирование исследовательских задач рискует не быть ценностно нейтральным, а также зачастую приводит к подмене описания лексико-грамматических закономерностей «как есть» интерпретацией их *эффекта*. При этом под сомнение не ставится фактическое наличие этих эффектов в реальной коммуникативной ситуации, и/или не обсуждаются возможные ограничения такого интерпретативного подхода.

Принимая во внимание сказанное выше, определим цель данной работы как исследование категории «свои – чужие» на двух взаимосвязанных уровнях – семантическом и прагматическом – в рамках одного жанра американской президентской риторики. С семантической точки зрения «актуализация» категории «свои – чужие» представляет собой речевое конструирование образов ин- и аутгруппы. Задача анализа на этом уровне – *описание языковых ресурсов*, используемых для создания этих образов, а также преемственности использования таких ресурсов в рамках жанра. Рассмотрение этих же ресурсов как *инструментов обоснования политических решений* переводит исследование в прагматическую плоскость. Задача исследования на данном уровне – попытка строгой прагматической интерпретации текста исходя из той инструментальности, которая может наиболее непротиворечивым образом быть «прочитана» в самом тексте и/или верифицирована путем обращения к историческому контексту исследуемого дискурса. Последующее обсуждение результатов анализа призвано

внести вклад в дискуссию о допустимой мере интерпретативности лингвистических исследований и о представлении знания, полученного лингвистическими методами, как «обоснованного и доказательного» [37. С. 84].

Свои и чужие в политическом дискурсе

Использование категории «свои – чужие» в качестве инструмента легитимизации некоторого политического решения обсуждалось в целом ряде исследований. Например, было отмечено, что создание негативного образа иммигрантов является одним из коммуникативных ходов легитимизации их депортации [5]. В аналогичном ключе было продемонстрировано, что создание негативного образа западных стран и одновременная «гlorификация» действий интруппы играет ключевую роль в легитимизации иранской ядерной программы [39]. Использование категории «свои – чужие» было также исследовано в сопоставительном анализе речей Дж.У. Буша и Ф.Д. Рузвельта как риторического инструмента «призыва под знамена» (“call-to-arms”; см. [6]).

Продолжая традицию изучения использования данной категории как риторического инструмента в президентской риторике, мы задаем в анализе несколько иные акценты. Основное внимание в работе сосредоточено на изучении не одного из аспектов данной диады (создания образа чужого или процесса легитимизации), а их взаимной обусловленности и одновременной текстовой реализации, выражающейся в «сплетении» двух взаимодополняющих коммуникативных стратегий.

Стоит, однако, заметить, что обсуждение таких явлений, как «легитимизация» или «манипуляция», при анализе дискурса, хотя и является распространенной практикой, связано с рядом сложностей. Так, проблематично наличие у исследователя определенной ценностной установки. Как известно, исследования в рамках КДА сами часто подвергаются критике ввиду «ценностной пристрастности», с которой аналитики данного подхода обращаются к тексту [33, 36]. Такая ситуация наблюдается, если исследователь начинает анализ дискурса с однозначной интенцией показать, что в тексте отражена, например, расистская идеология или что-то подобное [24. С. 33; 32. Р. 53].

Основной же проблемой дискурс-анализа как метода с точки зрения его критиков является то, что дискурс-аналитики пытаются свести прагматику текста к его семантике (подробнее см. [36]). Так, одним из спорных методологических приемов критического подхода к анализу ПД является тенденция рассматривать *интерпретацию* ПД, выводимую исследователем из некоторой комбинации языковых средств в тексте, как *объективную* и единственно возможную. Проявлением такого подхода как раз и является изучение ПД в аспекте манипуляции часто без должной проблематизации фактического наличия эффекта манипуляции в реальной коммуникативной ситуации. Такая расстановка акцентов, как показывает изучение истории вопроса, является распространенной и, по всей видимости, обоснованной

[1, 3, 4, 40]. Думается, что при этом следует как минимум подчеркивать, что автор говорит о персуазивном или манипулятивном *потенциале* описываемых языковых средств или текстовых стратегий, а не о фактически наблюдаемом эффекте.

Приведенные выше оговорки о теоретических лакунах, ограничениях метода и возможностях объективной интерпретации не снижают значимость исследований ПД как таковых. Однако подобные оговорки должны все же быть обязательным содержательным компонентом этих исследований, особенно в тех случаях, когда акцент смещается в сторону обсуждения прагматики.

Материал и метод

Основным материалом исследования послужила публичная речь американского президента Д. Трампа, посвященная обсуждению военной кампании в Афганистане [41]. Такой тип текста мы относим к особому жанру американской президентской риторики – конфронтационным речам. С тематической точки зрения такие речи целиком или в значительной мере посвящены описанию политического конфликта; одной из основных коммуникативных задач таких речей является дискредитация политического противника или демонизация врага [42. С. 109–142].

С целью демонстрации преимственности использования обсуждаемых языковых средств и стратегий в рамках жанра было проведено их сравнение с аналогичными явлениями в текстовом массиве публичных речей Дж.У. Буша, произнесенных в 2001–2004 гг. Данный массив включает 28 текстов публичных речей и два транскрипта пресс-конференций общим объемом 97 тысяч слов. Все тексты в той или иной мере посвящены обсуждению конфронтации США с внешними врагами. В период с 2001 по 2004 г. таковыми преимущественно были Ирак в лице его лидера Саддама Хуссейна и террористические организации в лице Усамы бен Ладена.

Анализ проводится с опорой на следующий ряд лингвистических инструментов.

Во-первых, анализируются номинации, используемые для обозначения групп субъектов в рамках категорий «свой» и «чужой» с точки зрения их оценочной семантики. Типичным вариантом стратегического использования номинаций в текстах конфронтационной риторики является конструирование негативного (или позитивного) «семантического поля», состоящего из множества языковых единиц с однотипной семантикой и/или схожим оценочным компонентом.

Во-вторых, при анализе текстов используется понятие «метафоризация». Метафоризация в традиции, популяризированной Дж. Лейкоффом и М. Джонсоном, понимается как процесс осмысления и переживания сущности одного типа в рамках сущности другого типа. Метафора обычно рассматривается как одно из наиболее популярных средств манипулирования и поэтому является ключевой категорией исследований ПД [2, 43, 44].

Одной из разновидностей метафоры можно считать номинализацию, т.е. представление процесса в виде сущности [45. Р. 636–658]. При этом теряются важные компоненты, свойственные процессу / глаголу, – временная форма и субъекты / объекты действия. Такое представление может повлечь устранение ответственности за выполнение указанного действия или «схлопывание» настоящего и будущего времени, что может быть использовано для трактовки *предсказываемого* события как *реально существующего* «здесь и сейчас» [42. С. 126]. Номинализация также традиционно является одной из ключевых категорий анализа ПД (см., например, [46]).

Исходя из общей установки данной работы, следует оговориться: как и другие так называемые персуазивные средства, метафоры и номинализации обладают лишь некоторым *потенциалом* вариативно интерпретировать действительность и вводить в заблуждение. Это вовсе не означает, что на практике будет достигнут именно такой эффект.

В-третьих, для обозначения стандартных повторяющихся тем, или «семантических шаблонов», нами используется понятие «лейтмотив»¹.

В-четвертых, для анализа шаблонов аргументации используется понятие «энтимема». В риторике энтимемой называется сокращенный силлогизм – особый способ рассуждений и построения умозаключений. Полный силлогизм предполагает наличие двух посылок (большой и малой) и одного выводимого из них заключения; в энтимеме один из этих элементов подразумевается [47. Р. 121–131]. Так, в президентской конфронтационной риторике часто подразумевается большая посылка. Причем подразумеваемая пропозиция регулярно повторяется в рамках данного жанра, что позволяет отнести ее к лейтмотивам.

В-пятых, отдельные языковые средства рассматриваются как развертываемые в пределах текста в составе коммуникативной стратегии. Под коммуникативной стратегией понимается упорядоченный отбор и использование языковых средств разных уровней для реализации предполагаемой коммуникативной (под)задачи [42. С. 89–100]. Исходя из заданной в статье теоретической рамки, в изучаемом тексте можно выделить две коммуникативные стратегии – стратегию *создание* образа чужих и риторическую стратегию *легитимизации* политических решений.

Создание образа чужих

Лингвистическое конструирование категории чужих традиционно осуществляется путем концентрированного использования негативных оценочных номинаций субъектов, входящих в аутгруппу, а также номинаций их деятельности. В данном тексте [41] такими единицами являются *terrorists, terrorist groups, terrorist enemies, designated foreign terrorist organizations, agents of chaos, violence and terror, terror groups, thugs, criminals, predators, enemies, militants, the enemy* и *losers*, образующие семантическое

¹ В дискурс-историческом подходе (Discourse-Historical Approach) такую категорию традиционно называют топосом [28. Р. 74], что, по-видимому, не вполне корректно (см. [34]).

поле. Из содержания текста становится ясно, что ключевые субъекты категории «чужие» – террористические организации.

Например, Д. Трамп использует следующий ряд лексем для обозначения террористов:

They are nothing but *thugs* and *criminals* and *predators* and – that's right – *losers*. [41]

В лингвистических исследованиях ПД для обозначения таких номинаций иногда используют также термин «ярлык». Интересно отметить принципиальную преемственность использования ярлыков в рамках изучаемого жанра. Так, ярлык *thugs* использовался для именованя режима Саддама Хуссейна в конфронтационной риторике Дж.У. Буша, ср.:

There are still *violent thugs* and *murderers* in Iraq, and we're dealing with them. But no one can argue that the Iraqi people would be better off with *the thugs* and *murderers* back in the palaces [48].

В текстовом массиве конфронтационных речей Дж. У. Буша данная лексема встречается в похожих контекстах 7 раз, лексема *criminals* – 8. Однако лексемы *predators* и *loser* в указанном массиве не встречаются. При условии повторного использования двух данных лексем в последующих речах будет происходить своеобразное приращение лексического инвентаря риторических средств жанра.

Второй аспект конструирования категории чужих – характеристика их деятельности. С одной стороны, данный аспект подразумевает создание негативного семантического поля, с другой – этот же аспект может быть описан как набор лейтмотивов.

Во-первых, лейтмотивом президентской конфронтационной риторики является «убийство невинных». Так, Д. Трамп упоминает один из последних на момент произнесения речи инцидентов подобного плана – теракт в Барселоне. Из примера также ясно, что такие лексемы, как *vile*, *vicious*, *mass murder*, могут быть рассмотрены как часть негативного семантического поля, характеризующего деятельность террористов, ср.:

We need look no further than last week's *vile*, *vicious* attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the *mass murder of innocent men, women and children* [41].

Аналогичные лейтмотивы не сложно найти и в президентской риторике предшественников Д. Трампа. Следующий фрагмент иллюстрирует использование такого коммуникативного хода Дж.У. Бушем опять же для характеристики режима Ирака и его лидера Саддама Хуссейна:

Saddam Hussein has placed Iraqi troops and equipment *in civilian areas*, attempting to use *innocent men, women and children* as shields for his own military; a final atrocity against *his people* [49].

В текстовом массиве риторики Дж.У. Буша лексема *innocent* используется в подобных контекстах 45 раз, что подтверждает распространенность данного лейтмотива.

Следующий лейтмотив – лейтмотив «угроза». Ключевым механизмом реализации данного лейтмотива является метафора и – более конкретно –

номинализация. В конфронтационной президентской риторике «чужие» и их прогнозируемая деятельность отражены при помощи номинализации *threat*, ср. следующий пример из речи Д. Трампа:

Military power alone will not bring peace to Afghanistan or stop the **terrorist threat** arising in that country [41].

В риторике Дж. У. Буша лейтмотив угрозы также был популярен, а номинализация *threat* была одной из ключевых лексем, характеризовавших деятельность террористов и Саддама Хуссейна, ср.:

But the only way to defeat terrorism as a **threat** to our way of life is to stop it, eliminate it, and destroy it where it grows [50].

В собранном нами текстовом массиве речей Дж.У. Буша лексема *threat* и ее производные встречаются 171 раз. Исходя из такой частотности, можно также предположить, что акцентирование угрозы служит, с точки зрения политиков, наиболее весомым аргументом для обоснования начала или продолжения военной кампании в стране, представляющей такую угрозу.

Еще один лейтмотив связан с представлением террористических организаций как находящихся в процессе увеличения своей мощи и/или планирования дальнейшей угрожающей активности. Примером такого лейтмотива может служить следующий отрывок из речи Дж.У. Буша:

In cells and camps, terrorists **are plotting further destruction**, and **building new bases** for their war against civilization [51].

К вариации такого лейтмотива мы также отнесем метафорическое представление террористов как единого живого организма; предикатами, характеризующими его деятельность, являются предикаты вроде «расти» или «распространяться» (с целью осуществления дальнейшей угрожающей активности). Ср. пример из речи Д. Трампа:

The vacuum we created by leaving too soon gave safe haven for ISIS **to spread, to grow, recruit and launch attacks**. We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq [41].

Легитимизация политических решений

Вторая выделяемая нами стратегия – стратегия легитимизации политических решений. В данном случае суть политического решения суммирована оратором в начале речи:

I am here tonight to lay out **our path forward in Afghanistan and South Asia**.

Как становится ясно из приведенного высказывания и из оставшейся части текста, конкретная реализация данного политического решения сводится к двум составляющим. Во-первых, план Д. Трампа предполагает сохранение военного присутствия в Афганистане (например: *the consequences of a rapid exit are both predictable and unacceptable*). Во-вторых, коррекцию политической стратегии и стратегии ведения военных действий в Азии вообще. Изменение политики в Азии включает следующие меры:

– неожиданные наступательные операции (*America's enemies must never know our plans or believe they can wait us out. // I will not say when we are going to attack, but attack we will.*);

– использование всех доступных рычагов политического влияния (*Another fundamental pillar of our new strategy is the integration of all instruments of American power – diplomatic, economic, and military – toward a successful outcome*);

– изменение практики взаимодействия с Пакистаном (*The next pillar of our new strategy is to change the approach in how to deal with Pakistan*);

– развитие отношений с Индией (*Another critical part of the South Asia strategy for America is to further develop its strategic partnership with India, the world's largest democracy and a key security and economic partner of the United States*);

– устранение бюрократических преград для принятия решений командирами на поле боя (*I have already lifted restrictions the previous administration placed on our war fighters that prevented the secretary of defense and our commanders in the field from fully and swiftly waging battle against the enemy*).

Учитывая, сколько «риторических усилий» затрачивается на фокусирование группы чужих в данном тексте (см. выше), можно предположить, что именно создание оппозиции «свои – чужие» и сопутствующая демонизация чужих играют ключевую роль в обосновании предлагаемых политических действий. При этом конкретные действия в отношении каждой из перечисленных в тексте стран зависят от того, в какой мере данная страна может быть отнесена к категории чужих¹. Соответственно, для включения страны в данную категорию оратор обращается к популярному в конфронтационной риторике лейтмотиву – «давать убежище». Одним из наиболее типичных оборотов для реализации этого коммуникативного хода является выражение «тихая гавань» (*save haven*), которую Афганистан и Пакистан, по словам оратора, предоставляют террористам. В речи Д. Трампа данное выражение встречается несколько раз, ср.:

For its part, Pakistan often gives *safe haven* to agents of chaos, violence and terror [41].

We can no longer be silent about Pakistan's *safe havens* for terrorist organizations, the Taliban and other groups that pose a threat to the region and beyond [Ibidem].

The vacuum we created by leaving too soon gave *safe haven* for ISIS to spread, to grow, recruit and launch attacks [41].

Аналогичные смыслы выражены в данной речи такими лексемами, как *shelter*, *house* и *harbor*:

...the worst terrorist attack in our history, was planned and directed from Afghanistan because that country was ruled by a government that *gave comfort* and *shelter* to terrorists [Ibidem].

It has much to lose by continuing *to harbor* criminals and terrorists [Ibidem].

But Pakistan has also *sheltered* the same organizations that try every single day to kill our people. We have been paying Pakistan billions and billions of dol-

¹ Такая формулировка в особенности справедлива, если категорию понимать как нечеткое множество (fuzzy set).

lars at the same time they are **housing** the very terrorists that we are fighting [Ibidem].

No partnership can survive a country's **harboring** of militants and terrorists who target U.S. service members and officials [Ibidem].

Как видно из приведенных примеров, Афганистан и Пакистан активно включаются в категорию чужих, что, по всей видимости, и определяет обоснованность предлагаемых Д. Трампом мер по отношению к ним.

Лейтмотив «давать убежище» был популярным и в риторике Дж. У. Буша. Естественно, «тихой гаванью» для террористов в тот период был Ирак:

Over the years, Iraq has provided **safe haven** to terrorists such as Abu Nidal [52].

Аналогичным образом употреблялись и лексемы вроде *harbor*, ср.:

Saddam Hussein is **harboring** terrorists and the instruments of terror, the instruments of mass death and destruction [Ibidem].

К легитимизирующей стратегии можно также отнести использование ценностных концептов, которыми «пестрит» президентская риторика конфронтационного типа¹. Ценностные концепты предсказуемо делятся на два вида – свои ценности и чужие «антиценности». Так, например, в текстовом массиве речей Дж.У. Буша лексема *freedom* используется 235 раз. В речи Д. Трампа используются такие базовые концепты президентской риторики, как *freedom*, *peace*, и *civilization*:

American patriots from every generation have given their last breath on the battlefield for our nation and for our **freedom** [41].

It is time for Pakistan to demonstrate its commitment to **civilization, order** and to **peace** [Ibidem].

Упоминание того, что какая-то категория субъектов является врагом названных ценностей или, например, того, что некоторое политическое решение принимается во имя этих ценностей, распространенный лейтмотив президентской риторики, вероятно играющий важную роль в легитимизации этих решений.

Чужие, соответственно, руководствуются более или менее стандартным набором антиценностей вроде *chaos*, *violence* и *terror*. Ср. пример из речи Д. Трампа:

For its part, Pakistan often gives safe haven to agents of **chaos, violence** and **terror**.

Важное место в реализации легитимизирующей стратегии занимает использование пресуппозиций и допущений. При этом содержание таких пресуппозиций и допущений является более или менее стандартным, что позволяет также отнести их к лейтмотивам.

Например, один из таких лейтмотивов – потенциальное использование ядерного оружия террористами. В следующем примере из речи Д. Трампа данный лейтмотив выносится в пресуппозицию, ср.:

¹ В исследованиях ПД такие ценностные концепты также иногда называют ключевыми словами.

In Afghanistan and Pakistan, America's interests are clear. We must stop the resurgence of safe havens that enable terrorists to threaten America. And we must **prevent nuclear weapons and materials from coming into the hands of terrorists** and being used against us, or anywhere in the world, for that matter.

Данный лейтмотив был популярен и в речах Дж.У. Буша. Более того, предположение, что Ирак в какой-то момент может разработать ядерное оружие, послужило основным риторическим рычагом легитимизация Иракской военной кампании в риторике того периода¹.

Популярный способ аргументации в рассматриваемом жанре и в данной публичной речи – энтимема. После фазы текста, посвященной доблести американских военнослужащих, Д. Трамп обращается к активной аргументации в пользу продолжения военной кампании в Афганистане. Первый из аргументов сформулирован следующим образом:

First, our nation must seek an honorable and enduring outcome worthy of the tremendous sacrifices that have been made, especially the sacrifices of lives. The men and women who serve our nation in combat deserve a plan for victory. They deserve the tools they need and the trust they have earned to fight and to win [41].

Данный фрагмент можно рассмотреть как реализацию силлогизма, в основе которого лежит подразумеваемая большая посылка примерно такого содержания: «понесенные потери в прошлом оправдывают продолжение войны». В самом тексте, соответственно, выражена малая посылка «Америка понесла большие потери» (например, *the tremendous sacrifices that have been made, especially the sacrifices of lives*), из которой делается вывод, что военная кампания должна быть продолжена (например, *our nation must seek an honorable and enduring outcome; to fight and to win*).

Интересен, однако, тот факт, что подразумеваемые посылки подобного рода также являются повторяемыми *в рамках жанра*. Одну из характерных больших предпосылок подобной риторики можно сформулировать следующим образом: «То, что люди делали ранее, они повторяют снова» или «Ситуации, имевшие место в прошлом, непременно повторятся в будущем». Например, ср. второй аргумент, приводимый президентом Трампом:

A hasty withdrawal would create a vacuum for terrorists, including ISIS and Al Qaeda, would instantly fill just as happened before Sept. 11. And as we know, in 2011, America hastily and mistakenly withdrew from Iraq. As a result, our hard-won gains slipped back into the hands of terrorist enemies. Our soldiers watched as cities they had fought for and bled to liberate, and won, were occupied by a terrorist group called ISIS. The vacuum we created by leaving too soon gave safe haven for ISIS to spread, to grow, recruit and launch attacks. We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq [41].

Логика аргументации в приведенном фрагменте следующая. Ситуация прошлого: «Вывод войск из Ирака в 2011 г. привел к оккупации террито-

¹ Позднее выяснилось, что использование данного риторического рычага не было основано на достоверных фактах (см., например: [53, 54]).

рии террористами». Подразумеваемая большая посылка: «Ситуации, имевшие место в прошлом, непременно повторятся в будущем». Заключение: «Нельзя допустить повторения той же ошибки в Афганистане» (ср.: *We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq*).

Ср. также следующий фрагмент из той же речи:

We must address the reality of the world as it exists right now, and the threats we face and the confronting of all of the problems of today, and extremely predictable consequences of a hasty withdrawal. We need look no further than last week's vile, vicious attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the mass murder of innocent men, women and children. You saw it for yourself. Horrible [41].

В данном фрагменте выявляется следующая структура:

– «То, что люди делали ранее, они повторяют снова» (большая посылка, подразумевается);

– «Террористы уже совершали теракты и убивали невинных» (малая посылка, эксплицитно выраженная в тексте; ср.: *last week's vile, vicious attack in Barcelona*);

– «Террористы представляют угрозу; ситуация повторится в случае вывода войск из Афганистана» (заключение; ср.: *the threats we face; extremely predictable consequences of a hasty withdrawal*).

Этот же лейтмотив эксплуатировался и Дж.У. Бушем, ср.:

While there are many dangers in the world, the threat from Iraq stands alone – because it gathers the most serious dangers of our age in one place. Iraq's weapons of mass destruction are controlled by a murderous tyrant who has already used chemical weapons to kill thousands of people. This same tyrant has tried to dominate the Middle East, has invaded and brutally occupied a small neighbor, has struck other nations without warning, and holds an unrelenting hostility toward the United States [52].

Вывод автора об угрозе, исходящей от Ирака, базируется на ситуациях, имевших место в прошлом (*who has already used chemical weapons to kill thousands of people; has tried to dominate the Middle East; has invaded and brutally occupied a small neighbor; has struck other nations without warning*). Для соединения посылки и вывода используется скрытая большая посылка описанного ранее содержания.

Ввиду всего сказанного выше следующий пример является идеальным вариантом совместной реализации стратегии создания круга чужих и легитимизации политического решения:

The regime has a history of reckless aggression in the Middle East. It has a deep hatred of America and our friends. And it has aided, trained and harbored terrorists, including operatives of al Qaeda. // The danger is clear: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq, the terrorists could fulfill their stated ambitions and kill thousands or hundreds of thousands of innocent people in our country, or any other [55].

Приведенный отрывок взят из речи, произнесенной Дж.У. Бушем 17 марта 2003 г., за три дня до начала военного вторжения в Ирак. Обосно-

вание начала военной кампании в Ираке осуществляется путем причисления Ирака к чужим, т.е. террористам (используемый лейтмотив – «дает убежище»; ср.: *trained and harbored terrorists*), указания на ситуации, имевшие место в прошлом (*has a history of reckless aggression*), использования лейтмотива «ядерное оружие», вынесенного в пресуппозицию («Ирак неминуемо предоставит оружие массового уничтожения террористам», ср.: *using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq*).

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ демонстрирует, что основным средством создания категории чужих является концентрированное использование негативных оценочных номинаций для именования групп субъектов и их деятельности. К средствам создания круга чужих необходимо отнести и типичные лейтмотивы, такие как акцентирование угрозы, исходящей от чужих, и лейтмотив убийства невиновных. При этом значимым результатом проведенного анализа следует считать демонстрацию того, что используемый арсенал языковых средств обнаруживает примечательную преемственность в рамках жанра и практически не меняется со сменой президентов и конкретных субъектов в составе аутгруппы. Такой арсенал, по всей видимости, может быть рассмотрен как важный ресурс реализации конфронтационной риторики американских президентов, а его использование – как одна из жанрообразующих характеристик публичной речи рассматриваемого типа.

Еще одним результатом анализа стала демонстрация того, как дискурсивное конструирование группы чужих используется для обоснования политических решений. В тексте помимо стратегии создания круга чужих прослеживается развертывание второй стратегии – стратегии легитимизации. В рамках текста речи Д. Трампа и в рамках обсуждаемого жанра вообще реализация второй стратегии в большой мере зависит от реализации первой. Основным средством реализации стратегии легитимизации является «присоединение» некоторой группы субъектов (Афганистан, Пакистан, Индия) к чужим. При этом степень «включения» в категорию чужих определяет степень радикальности предлагаемых мер по отношению к обсуждаемой группе субъектов.

К значимым наблюдениям стоит отнести и тот факт, что риторическим ресурсом жанра фактически является не только то, что выражается конкретными языковыми средствами (и сами эти средства), но и то, что остается невыраженным. Как было продемонстрировано в представленном выше анализе, аргументация в рамках стратегии легитимизации часто опирается на невыраженные в поверхностной структуре посылки / пропозиции. При этом в рамках жанра оратор регулярно обращается к таким пропозициям при построении силлогизмов. Подобные пропозиции образуют «пул» подразумеваемых лейтмотивов жанра конфронтационной риторики.

Прагматическая интерпретация текстов неминуемо затрагивает дискуссионные вопросы анализа дискурса как дискурсивного *процесса* [36] и

операционализации *контекста* в лингвистическом исследовании [37, 56]. Очевидно, что для любого текста можно по крайней мере аналитически разграничить контекст его производства с фокусом на авторе сообщения и контекст его восприятия с фокусом на реципиенте сообщения. Предложенный анализ стратегии легитимизации призван раскрыть предполагаемую интенцию отправителя, т.е. акцентировать внимание на процессе производства и одном из параметров контекста производства. При этом мы попытались свести и эту интерпретацию к минимуму, сконцентрировавшись лишь на одной интенции, четко сфокусированной в самом тексте.

Верификацией достоверности интерпретации может в какой-то мере также быть отсылка к фактическому историческому контексту некоторого дискурсивного события. Например, таким верифицирующим контекстом можно считать начало военных действий в Ираке в 2003 г. Как было отмечено выше, всего за несколько дней до этого события Дж.У. Буш произнес речь, в которой данная интенция однозначно демонстрируется анализом текста. Любые рассуждения об интенциях отправителя и контексте производства вообще должны быть основаны на изучении самой практики создания подобных текстов с привлечением нелингвистических методов.

Более проблематичной является прагматическая интерпретация текста, «вторгающаяся» в сферу контекста восприятия. На основании анализа текста лингвистическими методами можно лишь с большой долей вероятности предполагать, как данный текст и совокупность обсуждаемых языковых средств будут восприняты реципиентами и какой это дает эффект. Точные данные относительно этого эффекта могут быть опять же получены только путем анализа самой практики потребления текстов различными реципиентами с применением методов, не входящих в стандартный лингвистический арсенал. Исходя из этого, если исследование основано только на анализе семантики текста, применение популярных в исследовании ПД категорий, вроде «манипуляция», может быть проблематичным.

Представленные рассуждения также позволяют сделать два вывода. Во-первых, думается, что рефлексия на тему обоснованности собственных интерпретаций и указание налагаемых на них ограничений должны быть обязательной частью текстоориентированных исследований дискурса. В таком случае может быть, по крайней мере отчасти, соблюдено требование «представления лингвистического знания как обоснованного и доказательного» и снижена вероятность волюнтаристских интерпретаций [37. С. 84].

Во-вторых, эти же рассуждения имеют непосредственное отношение к обсуждению путей развития лингвистической науки вообще. С одной стороны, возможный вариант развития – дальнейшая конвертация дискурсивных исследований в междисциплинарные с обязательным изучением профессиональной или социокультурной практики, частью которых являются интересующие лингвиста тексты, с применением методов этнографического характера. В такой ситуации, однако, как подчеркивает Я. Бломмарт, изучение языковых феноменов перестает быть исключительной компетенцией лингвистов: изучением *коммуникативных практик* могут активно

заниматься и специалисты других дисциплин; наличие лингвистической подготовки не является здесь обязательным [32]. С другой стороны, возможно и движение в противоположном направлении, а именно в сторону формализованного описания языковых феноменов и так называемого «не-оструктурализма».

Литература

1. *Dijk T. A. van.* Discourse and manipulation // *Discourse & Society.* SAGE Publications Ltd, 2006. Vol. 17, № 3. P. 359–383.
2. *Ferrari F.* Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a “preventive war” persuasion strategy // *Discourse & Society.* SAGE Publications Ltd, 2007. Vol. 18, № 5. P. 603–625.
3. *Dijk T. A. van.* How Globo media manipulated the impeachment of Brazilian President Dilma Rousseff // *Discourse & Communication.* SAGE Publications, 2017. Vol. 11, № 2. P. 199–229.
4. *Hart C.* Argumentation meets adapted cognition: manipulation in media discourse on immigration // *Journal of pragmatics.* 2013. Vol. 59. P. 200–209
5. *Martin Rojo L., Dijk T. A. van.* “There was a problem, and it was solved!”: Legitimizing the expulsion of ‘illegal’ migrants in Spanish parliamentary discourse // *Discourse & Society.* 1997. Vol. 8, № 4. P. 523–566.
6. *Odde J.* War legitimization discourse: representing “us” and “them” in four US presidential addresses // *Discourse & Society.* 2011. Vol. 22, № 3. P. 287–314.
7. *Bogain A.* Security in the name of human rights: the discursive legitimization strategies of the war on terror in France // *Critical Studies on Terrorism.* Routledge, 2017. P. 1–25.
8. *Mirhosseini S.-A.* Discursive double-legitimation of (avoiding) another war in Obama’s 2013 address on Syria // *Journal of language and politics.* 2017. Vol. 16, № 5. P. 706–730.
9. *Fonseca P., Ferreira M. J.* Through ‘seas never before sailed’: Portuguese government discursive legitimization strategies in a context of financial crisis // *Discourse & Society.* SAGE Publications Ltd, 2015. Vol. 26, № 6. P. 682–711.
10. *Chang G.C., Mehan H.B.* Why we must attack Iraq: Bush’s reasoning practices and argumentation system // *Discourse & Society.* SAGE Publications Ltd, 2008. Vol. 19, № 4. P. 453–482.
11. *Leudar I., Marsland V., Nekvapil J.* On membership categorization: ‘us’, ‘them’ and ‘doing violence’ in political discourse // *Discourse & Society.* 2004. Vol. 15, № 2. P. 243–266.
12. *Sowinska A., Dubrovskaya T.* Discursive construction and transformation of “us” and “them” categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view // *Discourse & Communication.* 2012. Vol. 6, № 4. P. 449–468.
13. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
14. *Нукифорова М.В., Чудинов А.П.* Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои – чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана // *Политическая лингвистика.* 2016. № 4 (58). С. 154–162.
15. *Hart C.* Force-interactive patterns in immigration discourse: a cognitive linguistic approach to CDA // *Discourse & Society.* SAGE Publications Ltd, 2011. Vol. 22, № 3. P. 269–286.
16. *Del-Teso-Craviotto M.* Racism and xenophobia in immigrants’ discourse: the case of Argentines in Spain // *Discourse & Society.* 2009. Vol. 20, № 5. P. 571–592.
17. *Pietikäinen S.* Indigenous identity in Print: Representations of the Sami in News Discourse // *Discourse & Society.* 2003. Vol. 14, № 5. P. 581–609.

18. *Lazar A., Lazar M.M.* The discourse of the New World Order: 'out-casting' the double face of threat // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15, № 2–3. P. 223–242.
19. *Hatoss A.* Where are you from?: Identity construction and experiences of "othering" in the narratives of Sudanese refugee-background Australians // *Discourse & Society*. 2012. Vol. 23, № 1. P. 47–68.
20. *Молодыченко Е.Н.* Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 122–133.
21. *Reicher S., Hopkins N.* Self-category constructions in political rhetoric: an analysis of Thatcher's and Kinnock's speeches concerning the British miners' strike (1984–5) // *European journal of social psychology*. John Wiley & Sons, Ltd., 1996. Vol. 26, № 3. P. 353–371.
22. *Wodak R.* The discourse of politics in action: politics as usual. Springer, 2009. 252 p.
23. *Scollon R., Scollon S.W.* Nexus analysis: discourse and the emerging Internet. London ; New York : Routledge, 2004. 198 p.
24. *Чернявская В.Е.* Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено?: Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 2. С. 31–37.
25. *Fowler R. et al.* Language and control. London ; Boston ; Henley : Routledge & Kegan Paul, 1979. 224 p.
26. *Hodge R., Kress G.* Language as ideology. London ; Boston ; Henley : Routledge & Kegan Paul, 1979. 163 p.
27. *Fairclough N.* Language and power. London ; New York : Longman, 1989. 259 p.
28. *Wodak R.* The discourse-historical approach // *Methods of critical discourse analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London : Sage Publications Ltd, 2001. P. 63–94.
29. *De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.* The discursive construction of national identities // *Discourse & Society*. 1999. Vol. 10, № 2. P. 149–173.
30. *Chilton P.A.* Analysing political discourse: theory and practice. London ; New York : Routledge, 2004. 226 p.
31. *Schegloff E.A.* Whose Text? Whose Context? // *Discourse & Society*. SAGE Publications Ltd, 1997. Vol. 8, № 2. P. 165–187.
32. *Blommaert J.* Discourse: a critical introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 299 p.
33. *Verschueren J.* Predicaments of Criticism // *Critique of Anthropology*. SAGE Publications. 2001. Vol. 21, № 1. P. 59–81.
34. *Žaga I.* Topoi in critical discourse analysis // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2010. Vol. 6, № 1. P. 3–37.
35. *Bhatia V.K.* Critical genre analysis: theoretical preliminaries // *HERMES-Journal of language and communication in business*. 2015. Vol. 27, № 54. P. 9–20.
36. *Widdowson H.G.* Text, context, pretext: critical issues in discourse analysis (language in society). Wiley Online Library, 2004. 185 p.
37. *Чернявская В.Е.* Операционализация контекста в дискурсивном анализе // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2017. Т. 9, № 4. С. 83–93.
38. *Spitzmüller J., Warnke I.H.* Discourse as a 'linguistic object': methodical and methodological delimitations // *Critical discourse studies*. Routledge, 2011. Vol. 8, № 2. P. 75–94.
39. *KhosraviNik M.* Macro and micro legitimation in discourse on Iran's nuclear programme: the case of Iranian national newspaper Kayhan // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, № 1. P. 52–73.
40. *Hansson S.* Discursive strategies of blame avoidance in government: a framework for analysis // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, № 3.

41. *Trump D.* Full transcript and video: Trump’s speech on Afghanistan // *The New York Times*. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/trump-speech-afghanistan.html> (accessed: 10.11.2017).
42. *Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н.* Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М. : ЛЕНАНД, 2017. 176 с.
43. *Чудинов А.П.* Российская политическая метафорика в начале XXI века // *Политическая лингвистика*. 2008. № 24. С. 86–93.
44. *Будаев Э.В. и др.* Методика диахронического анализа политической метафорики // *Политическая лингвистика*. 2016. № 6. С. 18–31.
45. *Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M.* An introduction to functional grammar. London : Hodder Education, 2004. 689 p.
46. *Dunmire P.L.* Preempting the future: rhetoric and ideology of the future in political discourse // *Discourse & Society*. SAGE Publications Ltd, 2005. Vol. 16, № 4. P. 481–513.
47. *Cockcroft R., Cockcroft S.* Persuading people: an introduction to rhetoric. 2nd ed. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. 272 p.
48. *Bush G.W.* Address one year after operation Iraqi freedom. March 19, 2004. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.04.html> (accessed: 22.11.2017).
49. *Bush G.W.* George W. Bush, War Message. March 19, 2003. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.03.html> (accessed: 22.11.2017).
50. *Bush G.W.* George W. Bush, Address to the Nation. September 20, 2001. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html> (accessed: 22.11.2017).
51. *Bush G.W.* George W. Bush, Address to the U.N. September 12, 2002. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html> (accessed: 22.11.2017).
52. *Bush G.W.* The Iraqi Threat. October 7, 2002. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html> (accessed 24.11.2017).
53. *Peck T.* US hid intelligence from Britain about Saddam Hussein’s WMDs before Iraq War, Gordon Brown claims // *The Independent*. 2017. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/gordon-brown-iraq-us-wmds-intelligence-blair-saddam-hussein-war-george-bush-rumsfeld-book-a8037686.html> (accessed: 22.11.2017).
54. *Williams B.G.* At least Trump got one thing right. There were no WMDs in Iraq // *HuffPost*. 2017. URL: https://www.huffingtonpost.com/brian-glyn-williams/at-least-trump-got-one-thing-right_b_9612422.html (accessed: 22.11.2017).
55. *Bush G.W.* Message to Saddam. March 17, 2003. URL: <http://www.presidential-rhetoric.com/speeches/03.17.03.html> (accessed: 08.12.2017).
56. *Чернявская В.Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 135–148.

“Us” vs “Them” in Political Discourse: The Instrumental Function of the “Evil Other” in American Presidential Rhetoric

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 67–86. DOI: 10.17223/19986645/59/5

Evgeni N. Molodychenko, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.molodychenko@gmail.com

Keywords: discourse analysis, pragmatic interpretation, persuasion, political discourse, rhetoric, presidential rhetoric, “Us” vs “Them”.

The article investigates the textualization of the categories “Us” and “Them” in American presidential rhetoric in two interrelated ways: as an inventory of lexicogrammatical resources specific to this genre and their contextualized use as a tool for legitimizing political decisions. For this purpose, several speeches by Donald Trump and George W. Bush have been analyzed. Methodologically, the study draws on the discourse analytical toolkit which

involves exploring evaluative labels for category members, as well as metaphors, leitmotifs (or *topoi*), and syllogisms. These various language resources are not treated separately but rather as making up two distinct discourse strategies.

The analysis shows that one pervasive discourse strategy in the sample is the strategy of out-casting the “evil other”. The primary means of out-casting and populating this category is negative evaluative lexis, which is extensively used for naming and identifying the members of the “evil” out-group. Another persistent exponent of this strategy is a set of leitmotifs, which are used to attribute certain qualities and features to out-group members and characterize their actions. The most salient leitmotifs in the rhetoric of both presidents are *threat* and *killing the innocent*, which are very frequent in any references to terrorists, who are the core members of the out-group. It is worth noting that the usage of these linguistic resources is very consistent within this genre of presidential rhetoric irrespective of who the rhetor is and the specific historical context.

The further analysis of the sample shows that out-casting is inextricably linked to another pervasive discourse strategy: legitimation of going to or continuing the war in a given country. For Trump, it is primarily the military campaign in Afghanistan, while for Bush the target country was primarily Iraq. In both cases, the legitimation of the contradictory move seems to hinge largely on whether the country in question can be convincingly placed into the “Them” category. Linguistically, the most popular way to do so is through the leitmotif of “safe haven”, which is used to indicate that a certain country houses, supports, and is, indeed, a safe haven for terrorists. Interestingly, the category seems to be structured as a fuzzy set, with the inclusion into the out-group being, as it were, a matter of degree. Thus, in Trump’s speech Pakistan is construed as a member of the out-group only to some extent, which translates into less strict measures directed against it. At the core of legitimation strategy is argumentation that relies on syllogisms. The assumed major premises of syllogisms used by both presidents are very similar, which makes them a type of leitmotifs. These leitmotifs are arguably also part of the genre’s inventory of rhetorical resources albeit the ones that are never expressed in the surface structure and have no language associated with them.

References

1. Dijk, T.A. van. (2006) Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 17 (3). pp. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250
2. Ferrari, F. (2007) Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a “preventive war” persuasion strategy. *Discourse & Society*. 18 (5). pp. 603–625. DOI: 10.1177/0957926507079737
3. Dijk, T.A. van. (2017) How Globo media manipulated the impeachment of Brazilian President Dilma Rouseff. *Discourse & Communication*. 11 (2). pp. 199–229. DOI: 10.1177/1750481317691838
4. Hart, C. (2013) Argumentation meets adapted cognition: manipulation in media discourse on immigration. *Journal of Pragmatics*. 59. pp. 200–209. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.06.005
5. Rojo, L.M. & Dijk, T.A. van. (1997) “There was a problem, and it was solved!”: Legitimizing the expulsion of ‘illegal’ migrants in Spanish parliamentary discourse. *Discourse & Society*. 8 (4). pp. 523–566. DOI: 10.1177/0957926597008004005
6. Oddo, J. (2011) War legitimation discourse: representing “us” and “them” in four US presidential addresses. *Discourse & Society*. 22 (3). pp. 287–314. DOI: 10.1177/0957926510395442
7. Bogain, A. (2017) Security in the name of human rights: the discursive legitimation strategies of the war on terror in France *Critical Studies on Terrorism*. 10 (3). pp. 1–25. DOI: 10.1080/17539153.2017.1311093

8. Mirhosseini, S.A. (2017) Discursive double-legitimation of (avoiding) another war in Obama's 2013 address on Syria. *Journal of Language and Politics*. 16 (5). pp. 706–730. DOI: 10.1075/jlp.16016.mir
9. Fonseca, P. & Ferreira, M.J. (2015) Through 'seas never before sailed': Portuguese government discursive legitimation strategies in a context of financial crisis. *Discourse & Society*. 26 (6). pp. 682–711. DOI: 10.1177/0957926515592780
10. Chang, G.C. & Mehan, H.B. (2008) Why we must attack Iraq: Bush's reasoning practices and argumentation system. *Discourse & Society*. 19 (4). pp. 453–482. DOI: 10.1177/0957926508089939
11. Leudar, I., Marsland, V. & Nekvapil, J. (2004) On membership categorization: 'us', 'them' and 'doing violence' in political discourse. *Discourse & Society*. 15 (2). pp. 243–266. DOI: 10.1177/0957926504041019
12. Sowinska, A. & Dubrovskaya, T. (2012) Discursive construction and transformation of "us" and "them" categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view. *Discourse & Communication*. 6 (4). pp. 449–468. DOI: 10.1177/1750481312457521
13. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. 5th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
14. Nikiforova, M.V. & Chudinov, A.P. (2016) Variants and representation means of "friend or foe" conceptual opposition in the individual discourse of Eu. Roizman, mayor of Yekaterinburg. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (58). pp. 154–162. (In Russian).
15. Hart, C. (2011) Force-interactive patterns in immigration discourse: a cognitive linguistic approach to CDA. *Discourse & Society*. 22 (3). pp. 269–286. DOI: 10.1177/0957926510395440
16. Del-Teso-Craviotto, M. (2009) Racism and xenophobia in immigrants' discourse: the case of Argentines in Spain. *Discourse & Society*. 20 (5). pp. 571–592. DOI: 10.1177/0957926509106411
17. Pietikäinen, S. (2003) Indigenous identity in Print: Representations of the Sami in News Discourse. *Discourse & Society*. 14 (5). pp. 581–609. DOI: 10.1177/09579265030145003
18. Lazar, A. & Lazar, M.M. (2004) The discourse of the New World Order: 'out-casting' the double face of threat. *Discourse & Society*. 15 (2–3). pp. 223–242. DOI: 10.1177/0957926504041018
19. Hatoss, A. (2012) Where are you from?: Identity construction and experiences of "othering" in the narratives of Sudanese refugee-background Australians. *Discourse & Society*. 23 (1). pp. 47–68. DOI: 10.1177/0957926511419925
20. Molodychenko, E.N. (2017) Identity and discourse: from social theory to practice of discourse analysis. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 8 (3). pp. 122–133. (In Russian).
21. Reicher, S. & Hopkins, N. (1996) Self-category constructions in political rhetoric: an analysis of Thatcher's and Kinnock's speeches concerning the British miners' strike (1984–5). *European Journal of Social Psychology*. 26 (3). pp. 353–371. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199605)26:3<353::AID-EJSP757>3.0.CO;2-O
22. Wodak, R. (2009) *The discourse of politics in action: politics as usual*. Springer.
23. Scollon, R. & Scollon, S.W. (2004) *Nexus analysis: discourse and the emerging Internet*. London; New York: Routledge.
24. Chernyavskaya, V.E. (2018) Discourse analysis and corpus approaches: A missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37

25. Fowler, R. et al. (1979) *Language and control*. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul.
26. Hodge, R. & Kress, G. (1979) *Language as ideology*. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul.
27. Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London; New York: Longman.
28. Wodak, R. (2001) The discourse-historical approach. In: Wodak, R. & Meyer, M. (eds) *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage Publications Ltd.
29. De Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The discursive construction of national identities. *Discourse & Society*. 10 (2). pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002
30. Chilton, P.A. (2004) *Analysing political discourse: theory and practice*. London; New York: Routledge.
31. Schegloff, E.A. (1997) Whose Text? Whose Context? *Discourse & Society*. 8 (2). pp. 165–187. DOI: 10.1177/0957926597008002002
32. Blommaert, J. (2005) *Discourse: A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Verschueren, J. (2001) Predicaments of Criticism. *Critique of Anthropology*. 21 (1). pp. 59–81. DOI: 10.1177/0308275X0102100104
34. Žaga, I. (2010) Topoi in critical discourse analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*. 6 (1). pp. 3–37. DOI: 10.2478/v10016-010-0002-1
35. Bhatia, V.K. (2015) Critical genre analysis: theoretical preliminaries. *HERMES – Journal of Language and Communication in Business*. 27 (54). pp. 9–20. DOI: 10.7146/hjlc.v27i54.22944
36. Widdowson, H.G. (2004) *Text, context, pretext: critical issues in discourse analysis (language in society)*. Wiley Online Library.
37. Chernyavskaya, V.E. (2017) Operationalization of Context in Discourse Analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 9 (4). pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93
38. Spitzmüller, J. & Warnke, I.H. (2011) Discourse as a ‘linguistic object’: methodical and methodological delimitations. *Critical Discourse Studies*. 8 (2). pp. 75–94. DOI: 10.1080/17405904.2011.558680
39. Khosravinik, M. (2015) Macro and micro legitimation in discourse on Iran’s nuclear programme: the case of Iranian national newspaper Kayhan. *Discourse & Society*. 26 (1). pp. 52–73. DOI: 10.1177/0957926514541345
40. Hansson, S. (2015) Discursive strategies of blame avoidance in government: a framework for analysis. *Discourse & Society*. 26 (3). DOI: 10.1177/0957926514564736
41. Trump, D. (2017) Full transcript and video: Trump’s speech on Afghanistan. *The New York Times*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/trump-speech-afghanistan.html>. (Accessed: 10.11.2017).
42. Chernyavskaya, V.E. & Molodychenko, E.N. (2017) *Rechevoe vozdeystvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse* [Speech impact in political, advertising and Internet discourses]. Moscow: LENAND.
43. Chudinov, A.P. (2008) Rossiyskaya politicheskaya metaforika v nachale XXI veka [Russian political metaphors at the beginning of the 21st century]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 24. pp. 86–93.
44. Budaev, E.V. et al. (2016) Metodika diakhronicheskogo analiza politicheskoy metaforiki [Methodology of the diachronic analysis of political metaphors]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 6. pp. 18–31.
45. Halliday, M.A.K. & Matthiessen, C.M.I.M. (2004) *An introduction to functional grammar*. London: Hodder Education.
46. Dunmire, P.L. (2005) Preempting the future: rhetoric and ideology of the future in political discourse. *Discourse & Society*. 16 (4). pp. 481–513. DOI: 10.1177/0957926505053052

47. Cockcroft, R. & Cockcroft, S. (2005) *Persuading people: an introduction to rhetoric*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
48. Bush, G.W. (2004) *Address one year after operation Iraqi freedom*. March 19, 2004. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.04.html>. (Accessed: 22.11.2017).
49. Bush, G.W. (2003) *George W. Bush, War Message*. March 19, 2003. [Online] Available from: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.03.html>. (Accessed: 22.11.2017).
50. Bush, G.W. (2001) *George W. Bush, Address to the Nation*. September 20, 2001. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html>. (Accessed: 22.11.2017).
51. Bush, G.W. (2002) *George W. Bush, Address to the U.N.* September 12, 2002. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html>. (Accessed: 22.11.2017).
52. Bush, G.W. (2002) *The Iraqi Threat. October 7, 2002*. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html>. (Accessed 24.11.2017).
53. Peck, T. (2017) US hid intelligence from Britain about Saddam Hussein's WMDs before Iraq War, Gordon Brown claims. *The Independent*. [Online] Available from: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/gordon-brown-iraq-us-wmds-intelligence-blair-saddam-hussein-war-george-bush-rumsfeld-book-a8037686.html>. (Accessed: 22.11.2017).
54. Williams, B.G. (2017) At least Trump got one thing right. There were no WMDs in Iraq. *HuffPost*. [Online] Available from: https://www.huffingtonpost.com/brian-glyn-williams/at-least-trump-got-one-thing-right_b_9612422.html. (Accessed: 22.11.2017).
55. Bush, G.W. (2003) *Message to Saddam*. March 17, 2003. [Online] Available from: <http://www.presidential-rhetoric.com/speeches/03.17.03.html>. (Accessed: 08.12.2017).
56. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 135–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9